

ДЛЯ ВАС

Андрей Болтнев, к сожалению, давненько не радовал кинозрителей новыми работами. Но его поклонники-театралы почти одновременно могли видеть его в двух премьерях: Театра имени Маяковского «Дни нашей жизни» по пьесе Леонида Андреева и в «Норе» Г. Ибсена театра «У камина».

— Андрей Николаевич, вы ведь раньше никогда не играли на «чужих» сценах!

— Да, я противник таких экспериментов. Работаешь в одном коллективе, так работай. Но предложение сыграть роль в театре «У камина» совпало с моментом, когда я был не особенно занят, а слоняться из угла в угол не могу. Потом, что уж там лукавить, актеры не могут питаться запахом кулис и пылью сцены, хлеб тоже нужен. А роль — с секретом.

— Какой он, ваш Кругстад!

— Мерзавец. Я пытался сделать из него что-то приличное, но Ибсен сопротивляется. Должен сказать, что, столкнувшись вплотную с его драматургией, я был удивлен, насколько она специфична. И как резко отличаются их мораль и нравственность от наших устоев. По-моему, это отношения, доведенные до абсурда. Ведь из-за чего там весь сыр-бор? Жена тайне от мужа достает деньги для его же спасения! И мой Кругстад, узнав тайну, шантажирует бедную женщину. Играю я его, а сам думаю: да расскажи она мужу всю правду, ничего бы этого не было!

— В театре «У камина» публика и сцена так близко. Не мешает это!

— Мне даже легче играть «на близкого зрителя», в маленьком зале. Тут мне помогло кино. Чисто театральным актерам — им, да, страшновато. Это еще сидит с юности. Ведь в годы ученичества все показы проходят перед мастером, который сидит в двух шагах. И не соври, а то вылетит из училища! В кино же — бог мой! В сорока сантиметрах от тебя камера, за ней оператор, ассистенты, еще куча людей вокруг: кто с молотком, кто с аппаратурой, я уж не говорю о случайных зрителях. Привыкаешь не обращать на это внимание.

— Вас не утомляют длительные репетиции!

— Когда хороший материал, репетиции — просто одно удовольствие. Есть смысл, лучше начинаешь понимать, есть время прикинуть разные варианты, придумать что-то интересное. Скажем, я говорю партнеру: «Давай в этой сцене сделаем так». Он подхватывает идею, мы импровизируем, пробуем, появляется азарт. Что-то меняется в ходе репетиций, что-то — потом.

— Когда потом! Прошли репетиции, премьеры, что вы можете изменить!

— Многое. Я, мои коллеги, сама жизнь, — все меняется. Если снять на пленку первый и двадцатый спектакль, то можно увидеть, какая между ними разница! Мы просто этого не замечаем. Ну, скажите, есть ли разница: как вы входите в дом

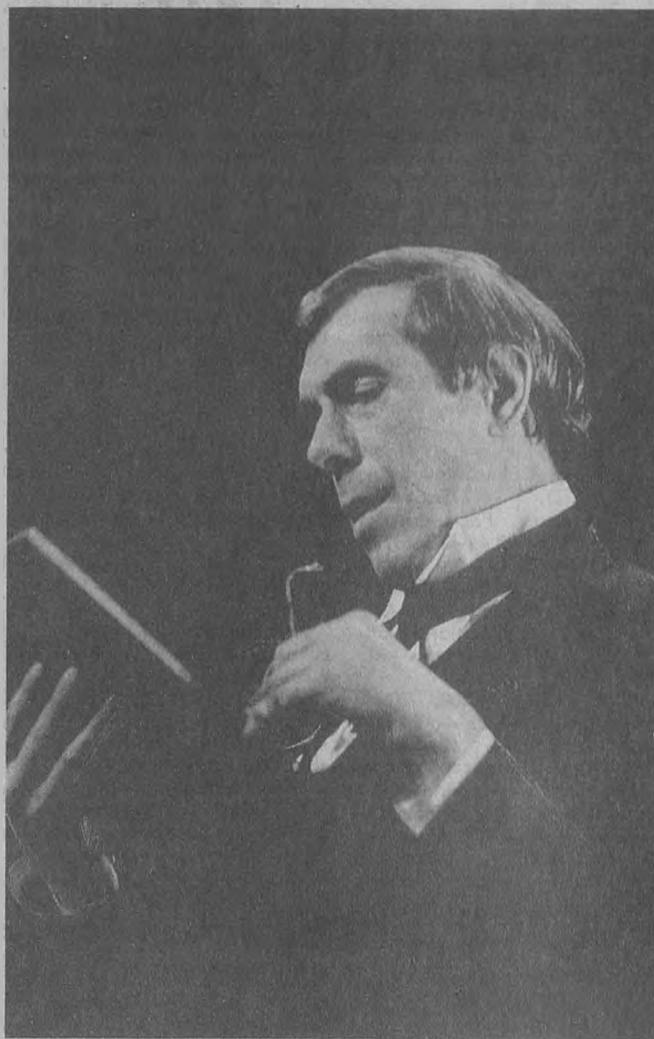
в день новоселья и как — когда вы проживете в квартире полгода? Квартира, как и спектакль, через некоторое время обживется, обрстет мелочами. Какие-то коррективы вносит и зритель. Спектакль, который после премьеры заострен, стал жестко детерминированным, — умирает. Живут и играют долго лишь те, в которых все время что-то меняется.

— Вы на театральных подмостках много лет. С годами не наступает усталость!

— Что ж, я пришел в театр уставать? Спектакли разные, идут не так часто. Я устаю, когда нет работы.

— Ваша жена — актриса Новосибирского театра «Факел». Восемь лет назад вы играли с ней на одной сцене. Если бы все сложилось удачно и она переехала в Москву, хотели бы вы, чтобы это повторилось!

— Чтобы переехала — очень хочу, а вот вместе играть не люблю. Это состояние «сверхмалой» сцены. Тут уж не сложишь и не служишь, а ведь наша профессия — большое вранье. Я даже концепцию придумал, что человека человеком сделало вранье. Говорить прав-

Андрей Болтнев

УВИДЕТЬ

КОЛЬЦА САТУРНА

ду — большого ума не надо: констатируй то, что наблюдаешь, и все. А дальнейшее развитие в любой области требует воображения, человек начинает придумывать, сочинять. Искусство — это тоже большое вранье, только мы договариваемся со зрителем. Он прекрасно понимает, что я не дон Сезар, не Кругстад, не Цезарь, но верит мне. Правда, лишь настолько, насколько талантливо я буду врать.

— А чем вообще отличается артист от всех прочих!

— Я столько раз пытался ответить на этот вопрос, и все безуспешно. В актерстве есть элемент тщеславия. Ты выходишь на сцену — и зритель перестает кашлять. Ты один, а их тысячи, но победитель — ты! Мне часто задают бредовый вопрос: «Что вы хотели сказать этой ролью?» И что я должен отвечать? «Хочу нести в народ добро, вечное»? Чуть! Единственное, чего я хочу, — это сделать свою работу хорошо, чтобы мне поверили. Ну вот мастер делает добротную вещь, незважно, что именно, отойдет в сторону и с чувством выполненного долга сам себе скажет: «Это хорошо».

— Удовлетворение, законная гордость — положительные эмоции. А что у вас вызывает отрицательные!

— Толпа с тачками, тюками. Все плачут, что ничего нет, денег нет, — а все с тачками! Но по-настоящему злость во мне вызывает другое. Природа дала человеку мозги, руки, глаза. Его окружает таинственный, прекрасный мир, а он не задает себе ни одного вопроса, не пытается найти ни одного ответа. Почему у бабочки крылья разноцветные, ведь в ее организме нет пигмента? Или почему все деревья разные? Или вот глубины океана — что там? А над головой? Ведь там же звезды!

— О, как вы это сказали — о звездах! Что-то заветное!

— Угадали. Есть мечта, но невыполнимая. Дом хочу построить своими руками из дикого камня, чтобы никаких огородов, и деревья не рядами, а в беспорядке. И чтобы в подвале — мастерская, мой уголок, куда бы не ступала ничья нога. Ни одного человека.

— И что вы в ней будете делать!

— Строить телескоп. Знаете, какой долгий и кропотливый труд — шлифовка зеркал! Не месяцы — годы! Причем нельзя заранее сказать, получится зеркало или нет. Для того чтобы построить телескоп, еще нужно уметь работать на всех станках, многие приспособления сконструировать самому. Но ведь как здорово! Была груда металла, стекла, и постепенно это превращается в тончайший астрономический прибор. И все, что было недоступно твоему взору, вся красота Вселенной начинает открываться. И ты понимаешь, что благодаря тому, что ты три года корпел, ты наконец увидел кольца Сатурна...

— С ума сойти! После этого еще какие-нибудь желания будут!

— Да. Кто это говорил: «Оставьте меня в покое, только не оставляйте меня одного!»

Встречи для вас провела
Татьяна ПЕТРЕНКО.

● Андрей Болтнев в роли фон Рахена в спектакле «Дни нашей жизни».

Фото Т. Кисчук.